

УГНЕТЁННЫЕ: В КИЛОМЕТРЕ ОТ АДА

Алиса Алиса Алиса

Марк Логинов

Угнетённые: В километре от ада

«Автор»

2026

Логинов М.

Угнетённые: В километре от ада / М. Логинов — «Автор», 2026

А наши товарищи ушли туда так беспечно, одни, без винтовок, без гранат.
Хочется побежать за ними, хочется вернуть их, крикнуть: Куда вы идёте одни,
без нас, мы должны быть вместе, нам нельзя расставаться, ведь невозможно
жить иначе!

© Логинов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Марк Логинов

Угнетённые: В километре от ада

Предисловие

Прошло два года с того дня, как я оставил позади дом и отправился в неизведанное.

Время пролетело так быстро, что в это сложно поверить.

Я предполагал начать работу над книгой сразу по возвращению с армии, но процесс растянулся на долгий год, и 90% написанного - это ретроспективное погружение, которым я загорелся в августе 2026 года, неожиданно для самого себя словив вдохновение, и заново открыв в себе способность писать, которую в душе уже считал безнадёжно утраченной.

Томас Манн написал Будденброков, когда ему было в 23 года.

Чего достиг я, сложный вопрос...

Но достаточно глупо равняться на исключение из правил, упрекая себя в том, что не достиг его высот. Ведь если б все это могли, то в чём была б сакральность?

Посредственность не существует без гения. Всему нужно своё мерило...

И я построил мировоззрение на анекдоте про ангела. В котором мужик спрашивает, зачем же он жил. А ангел отвечает какой-то пустяк, в зависимости от интерпретации анекдота.

Угнетённые в этой книге, разумеется, мы.

В километре от ада же - про расстояние, которое отделяло наши койки, где мы временами спали, от ядерных боеголовок, которые суть разрушитель миров.

Сомневаюсь, что мне удалось передать, каково это - лишиться собственной воли, и быть слепым и покорным инструментом для исполнения чужой.

Залезть в чужую шкуру невозможно физически - и понять, что же чувствовал и испытывал человек, лишь прочитав какие-то лаконичные заметки, являющие собой достаточно стерильное и субъективное восприятие.

У меня также присутствуют большие сомнения, что даже действующим лицам будет интересно перечитать их злоключения, тем паче облеченные в безэмоциональную литературную форму.

Так что, возможно, единственное полезное назначение написанного - хоть как-то отвлечь меня от работы, рутины, и изобразить что я видел, с поправкой на ожидание известного уровня культуры, и сделав скидку на моё достаточно ограниченное видение, в силу чего ни диалогов, ни живых портретов здесь почти что не будет, ведь я закрытый человек без очевидной predisposition к перу.

Разумеется, в книге будет не всё - что-то описывать мне попросту не хотелось, где-то сглаживались углы, а какие-то вещи были элементарно неинтересными, и это неизбежно, это же жизнь.

И всё, о чём я умолчал, что опустил или забыл, можете беспроblemно объяснить военной тайной.

Или же моей ленью, так как оба оправдания абсолютно валидны.

Предоставляю на суд.

Глава 1.

Начало.

Апрельские поля и Андрюха, Суетехник и КПП

- Тоже в Москву едешь?

- Да, в Москву.

Он протянул руку.

- Денис.

Я вежливо пожал её.

- Антон.

Он был крупным, морщинистым мужчиной с густыми бровями и темными волосами, чьи глаза под нависшими надбровными дугами смотрели угрюмо и пожалуй, свирепо.

- Брат есть?

- Есть.

- Данил?

- Нет.

- Саня?

- Нет.

- Паша?

- Влад, - говорю, чтобы отстал (см. утихомирился).

Он энергично подсаживается на соседнее место. Насупленно пыжится и смотрит прямо перед собой орлиным взором.

Чуть поворачивается корпусом. Взгляд всё ещё мертвый.

- А в Москву тебе зачем?

- Так просто, - помолчал. - по работе.

Он закивал.

- А кем работаешь?

Я усмехнулся.

- Пока никем... На вахту еду.

- А-а...

Сказал он и принялся теревить одной рукой пальцы другой.

Казалось, что ему нечего терять и что его лихорадит. Вскоре меня начало это напрягать. Его расспросы приняли весьма тревожный характер, и мне пришлось начать ему лгать, чтобы не сообщать уж о себе слишком много. Хотя ему в целом хватит и рейса.

- А у вас есть жена, дети?

Спросил я, чтобы дать ему понять, что я тоже способен на инициативу. Он заерзал.

- Нет, жены нет. Есть девушка.

Он покачнулся.

- Кореянка. Ей сорок четыре года. Моложе меня.

И принялся хмуриться со страшным усердием.

Каждую фразу он выпяливал, делая ударение на последний слог, и пыхтел, как паровоз. Дружелюбие его казалось скорее агрессивным, чем каким-то другим.

Но видимо ему пришло в голову, что это тема для разговора и он обратился ко мне с ещё одним ненавязчивым вопросом.

- А у тебя девушка есть?

Я улыбаюсь.

- Нет...

- А была?

- Да.

- Света?

- Нет.

- Оля?

- Нет.

- Ангелина?

- Даша, - говорю я, чтобы успокоить его (см. задобрить). Конечно, не было у меня никакой Даши. Отставить.

- А где она сейчас?

Его глаза чуть на лоб не залезли.

Я смеюсь.

- Да бог ее знает...

- Что, не общаетесь?

- Нет...

Он замолчал.

Но была у этого действия и обратная сторона, поэтому я на всякий случай убрал в карман наушники и телефон, после того, как он очень им заинтересовался и чуть носом в экран не залез, хотя мой аппарат дешёвый и старый, и я начал развлекаться тем что смотрел ему в глаза вообще не отводя свои.

Он что-то пыхтел и косил свои зенки. Его это видимо тоже начало беспокоить.

Я был готов сидеть там с ним и играть в эти игры кто кого пересидит вплоть до поезда, но тут какая-то старушка неподалеку забарахталась и мы выяснили, что она села на мокрое сиденье и он сразу поспешил к ней. Судя по всему, она была его матерью или кем-то ещё. Он постоял над ней такой же тучей, как некоторое время назад надо мной, затем погрузился в чтение какой-то фигни на стене и больше ко мне не возвращался.

Я перевёл его в разряд безопасных.

Снова достал наушники и погрузился в чтение прохождения генри чинаски.

Затем понял, что не могу сосредоточиться, и решил описать всё это безобразие неожиданного социального контакта и дальше ждать поезда.

Он отправлялся лишь через час.

2.

Последняя фигня такого рода со мной случилась в сибире, на дембель.

В тот вечер мы с Андрюхой словили джекпот, сидя в этом отечественном паллиативе Макдональдса и уминая расслабленно бургеры, когда к нам подошёл мужик и стал просить на водку и перевозносить нашу армию.

Был он очень навязчив, криклив и неутомим, и меня это всё уже порядком достало, но Андрюха своей дипломатией всё порешал и мужик оставил нас в покое, после того как на просьбы мужика дать ему денег, он резонно заметил:

- Какие деньги? Мы солдаты... У нас самих ничего нет.

Так наш симбиоз и работал. Каждый из нас в своё время сдавал, и другой, словно цилиндры в двигателе, брал на себя решение проблемы, пока другой потихоньку возвращался в ресурс...

Во всяком случае, как я это видел.

Через минуту к нам подошли снова, уже люди неопределённой национальности, и стали втюхивать нам парфюм золотого яблока. Мы только что вышли из леса, а я и до этого успешно фильтровал информацию, и о золотом яблоке слышал впервые (это был конец 2025 года), но даже если бы слышал и раньше, вряд ли бы заинтересовался духами, я думаю...

Короче говоря, и этому дали отворот поворот (см. несолоно хлебавши).

Армию мы оставили приблизительно с часик назад, поэтому я всё ещё был очень тревожным, и признался Андрюхе, что как-то меня это всё напрягает. Битой собаке только плетёшь покажи...

Он похлопал меня по плечу и сказал, что всё норм.

За нами заедет его кентафурик и отвезёт нас на последнюю ночёвку в сибире.

И после того, как я выяснил, что кентафурик его это сибирское воплощение Пола Уокера, и десять раз простился с жизнью ввиду скорости триста километров в час, которую этот Найджел Мэнселл благополучно удерживал зимой, в гололёд и в центре миллионника, мы оказались в тёплой бане некоего полковника, где был бильярд, холодильник, кресла, кровать... Даже раковина с туалетом, на минуточку, роскошь. Мы достали свои припасы и начали уничтожать (см. жрать).

И где-то к часу ночи наше бдение, в свободу которого я всё ещё не мог поверить, прекратилось. Мы как-то легли спать, и, разумеется, спали очень плохо, каждый раз просыпаясь и смотря на часы.

Два часа ночи...

Четыре утра...

Вот уже и шесть, так что можно вставать.

Мы съели торт и поехали на вокзал, поблагодарив благодетелей наших за это неожиданное гостеприимство.

Впереди было три дня езды в поезде на верхней полке без книг и интернета. Кнопочный телефон, радио, и думы, думы, думы...

Без конца.

В Воронеже мы с Андрюхой расстались, не зная, когда увидимся снова. По иронии судьбы, больше года назад, мы так же с ним в Воронеже и познакомились, но при совершенно других обстоятельствах...

Тогда мы уезжали в неизвестность, в Сибирь, не знали друг друга и что нас ждёт, я ничего не умел и всего опасался...

Теперь, спустя 370 дней, спустя все поля, болезни, ранения, пот, кровь и грязь, мы возвращались домой. Мы были свободными. Мы были братьями.

Люблю тебя (читать - The best).

3.

Я сидел и писал, то, что подсказывает мне мозг, а сам не отрываясь думал о том, что ждёт меня в будущем, где нет ни опор, ни хоженных тропинок, есть только я и то, что я сделаю со своей жизнью, решения, которые приму...

В апреле, когда я повредил ногу в полях, наступив в темноте на колючую проволоку, здоровый кусман который валялся в траве, я лежал в санчасти, и смотрел Москва слезам не верит на старом телевизоре.

Это интересный фильм, хотя и грустный без меры. С психологической точки зрения, в первую очередь.

Тогда героини его отправились в столицу покорять её, да?

Я всегда относился к таким скептически, с насмешкой, иронией...

А теперь сам еду туда, где совершенно не подготовлена почва.

И планы мои основаны... Лишь на надежде. Не очень крепкая основа, не правда ли...

Я сидел и размышлял об этом, а вокруг меня бродили и разминали ноги редкие попутчики, периодически включался космический голос, сообщающий последние вести из мира безопасности, а впереди были новые люди, впечатления, обязанности а также и опыт...

В прошлый раз когда я уезжал, ничем хорошим это не кончилось.

Чуть не повесился от тоски в Питере, и вот, спустя три месяца, я еду снова, но в Москву.

Страхи и тревоги разъедали меня.

И, как всегда, в глубине души, я был в панике.

Пульс мой был, думаю, тоже космический.

Я занял свое место и погрузился в уныние.

4.

Полночь. В наушниках играет "Порнозвезда" ЛСП.

В пути мы всего два часа, а кажется, что все четыре.

За это время я посмотрел Пункт назначения и, видимо, подписался на второй, а по ассоциации ещё и на Факультет.

Есть определенная симпатичность в ужасах восьмидесятых, конечно.

Я раскладываю свою боковушку, на которую, естественно, кроме меня никто не претендует. Соседа сверху нет, как и должно быть. Я не помещаюсь на добрую треть.

Родная старая боковушка.

И без белья.

Рюкзак под голову, укрываюсь курткой, как бомж из назад в будущее газетой.

И жалею лишь о том, что не вернуть тех ощущений, которые были, когда ты укладывался спать на КПП.

Задницей прижимаешься к раскаленной батарее (если успел занять это козырное место упредив прапорщика), положив под свою непутевую голову подушку из бушлата и замотанного в него штык-ножа, со слипающимися глазами расшнуровав берцы и скинув бронежилет, кинув последний взгляд на казарму вдалеке, где всё ещё светятся редкие окна, ты погружаешься в тревожный, беспокойный сон на четыре часа. Обыкновенно меньше, естественно.

Батарея и кушетка, состоящая из тонкого слоя поролона, обтянутого кожей, располагались в прямой непосредственной близости от окна, так что оттуда всегда дул слабый сквозняк.

Если тебе не повезло, идёт снег. И ты знаешь, что сейчас тебе положено спать, а когда ты проснёшься и выпьешь кофе (если он у тебя ещё есть) - то, нацепив броник, ты пойдешь его убирать. В мрачном небе будут сиять тебе звёзды, в казарме в пятистах метрах от КПП бодрствуют твои друзья, стоящие в наряде по роте... Играет старое ненадёжное радио, дежурный лениво разгадывает кроссворды, а ты чистишь во тьме на своём участке снег, в ожидании завтрака, а там уже и смены наряда...

И вот как всё это объяснить и передать эту атмосферу тем, кто ни разу там не был?

Каково прийти в казарму после наряда, и первым же делом избавиться от бронежилета и шлема, сдав их под охрану товарищам, а затем пойти мыть берцы, пока дежурный по роте не позовёт тебя наконец сдавать оружие?

Каково надеть чистые, сухие, тёплые носки прямиком из сушилки, побриться и умыться свою грязную харю?

Мы редко принимали душ, и привыкли к такому.

Привыкли обходиться малым.

Мы держали своё лицо в чистоте, мыли ноги по вечерам в ледяной воде ногомойника, и уже казались посвежевшими до неприличия.

Сразу же вспоминается ещё одна ночь - моя первая ночь в апрельских полях, когда я, как обычно, с наряда, поехал в поля на нейтралке, в компании одного из наших лучших сержантов, и ещё одного прапора, который держал сигару в своих жёлтых зубах и подпрыгивал на каждой кочке с невозмутимейшим видом, словно моряк Попай, продолжая курить и периодически изрекать скрипучим голосом какие-то сентенции. Из телефона сержанта играл Ляпис Трубецкой и как ни странно Земфира, мы ехали долго и я случайно заснул у него на плече и мне было довольно неловко, когда я проснулся ближе к шести вечера на том же самом месте. На подъездах к нашей позиции в густом промозглом сибирском лесу нам встретился шлагбаум, где сидел очень грустный товарищ из моей группы. Созерцание моей рожи в окне нейтралки его несколько развеселило, он соизволил открыть нам дорогу, и мы немедленно встряли.

Тут нужно сделать паузу и заметить читателям, что это апрель. В Сибири.

И если вы сопоставите два этих факта, и подумаете, сколько там было снега зимой, думаю, и поймёте, какой масштаб приобрело его таяние по приходу весны.

Грязь была непролазная. Мы завязали по колено, рискуя каждый раз оставить казённые сапоги в грязи.

Наш мелкий каптер имел несчастье упасть туда в бронежилете, и целый день потом бегал в нижнем белье, пока вещи его сушились на солнышке.

Сержанта обругали выросшие из земли старшина и его заместитель, тот без пререканий согласился со всеми эпитетами по своему адресу, и меня немедленно мобилизовали на сбор говна и палок, так что мы общими усилиями понакидали брёвен под колёса машине и она всё-таки выползла из слоя грязи.

Следующей моей боевой задачей было перенести мусорную кучу из одного места в другое. Подальше в лес, чтобы видно не было то, что вследствие лени складировали неподобающе близко.

В эти полчаса я проклял и старшину, и судьбу и вообще всё на свете.

Берцы постепенно скрывались за убедительным слоем грязи, руки покрывались слоем липкого дерьма, и на форму тоже становилось больно смотреть.

К концу дня я принял решение переобуться уж в сапоги и оставить берцы, но только тогда, когда они уже составляли цельный кусок глины и грязи, и я очень надеялся, что в казарме я смогу это отмыть.

Сапоги же по итогу меня несколько подвели, но об этом чуть позже.

Ближе к вечеру старший сержант вручил мне канистру на 30 литров и отправил за солярой в ближайший мобд (читай - машина обеспечения боевого дежурства).

Куда идти я не имел представления, и пошёл вперёд.

Идти имело смысл только по обочине, так как дорога, раскисшая под колёсами многочисленного транспорта, превратилась в болотистое месиво (см. хляби).

Сердобольные товарищи гбушники (читай - группа боевого управления), конечно, исправно засыпали её ветками елей, но сами понимаете, какую амортизирующую роль играли ветки, если на них наступит взрослый мужчина. И не один раз. Ну кувшинки, ей богу...

А я ещё и с канистрой шёл. Ещё и пустой.

Ещё и темно...

Это означало, что путь назад будет по ещё сильнее провалившимся в грязь веткам, с полной канистрой, по безнадёжному сумраку.

Наконец я куда-то всё-таки выбрался и зрелище, вставшее передо мной было сравнимо лишь с панорамой из властелина колец.

Десятки мобдов, землянок, окопов и огневых точек, покрытых зелёными маскировочными сетями и окруженная заборами из колючей проволоки, и они были повсюду, сколько глаз только хватало. Вид был впечатляющий, а ведь это только наш дивизион, один!..

Но всё-таки работа не терпела, солнце садилось и я, успешно набрав полную канистру соляры (правда, не там и не у тех, но меня это мало волновало), направился обратно. В этом то и трудном походе я и наступил, подозреваю, на колючую проволоку, предательски размещённую на моём пути каким-то вредителем, а вообще благодетелем, так как две недели в госпитале это, конечно, была нужная передышка. Но это было потом.

Подцепив по пути на базу не только столбняк, но и двух товарищей из седьмой гпп (читай - группа подготовки и пуска), которые мне радостно рассказывали свои душераздирающие фантазии про женщин и торты.

На ужин было какое-то говно, и я уныло съел печеньки с маслом - благо, в них не было недостатка - отказавшись от основного блюда, и вообще те три дня провёл на яблочном соке и выданной коробке печенья. Ни есть перловку, ни мыть потом за ней котелок мне не особо хотелось, так что от этого удовольствия я отказался, благо, есть и не хотелось.

Но день в конце концов кончился, а в ту длинную ночь я, разумеется, был назначен истопником.

Поэтому после сонной и ленивой вечерней поверки все расползлись по своим нарам и забрались в спальные мешки, а я принялся нещадно топить обе жалкие печки.

Стресса добавляло и то, что старшина и прочая банда достали огурцы, колбасу и какой-то убийственный спирт, поэтому мне в очередной раз пришлось проявлять чудеса дипломатии, чтобы не демонстрировать свою ненависть к этим конченым кускам говна, тем паче что нога у меня уже забила тревогу.

Я переобулся в тапочки и наклеил пластырь, закончив на этом перевязочные мероприятия, и, записав, кого когда надо будить на посты, принялся сходить с ума в этом душном пекле, изредка вылезая из палатки, чтобы принести дров.

Искусством поддерживать огонь в достаточной степени я не владел, и поэтому регулярно носился на улицу, к мешку с бельем, взятым для растопки, и к концу своей смены сжёг с полсотни наволочек.

Мне было критически важно пережить эту ночь, и не получить звезды.

Старший сержант был достаточно убедителен, внушителен и доходчив, когда объяснял мне с ослепевшими от спирта глазами, что он со мной сделает, если проснётся от того, что его ногам, которыми он лежал к печке, будет слишком жарко, или голове слишком холодно.

И ночь в непосредственной близости с этим чучелом не могла не быть нервной, так что я очень тревожно бегал от одной печки к другой и проверял температуру и как она пышет.

В палатке было адски жарко, а снаружи адски холодно. По телевизору (который притащили наши контрактники) шла Жизнь по вызову 3.

Таким макаром я и развлекался пару часов, время от времени перебрасываясь парой слов с меняющимися друг друга на посту парнями.

Будить их надо было с периодичностью, которую я уже благополучно забыл, но очень хорошо я помню, что разбудить их было почти невозможно. Все мы смеялись в детстве с Добрыни Никитича, который спит как убитый, но пацаны в армии спали только так, и добудиться до них было очень непросто.

Каждый раз, когда казалось, что ты его растолкал, и он открыл глаза, и даже сел, стоит тебе отвернуться, как он снова храпит, и добиться от них понимания происходящего задача достойная.

Особенно если будить тебе надо стокилограммового тувинца.

Но бог с ними, с дикарями больными.

Речь не о том.

Пока я задумчиво размышлял о том, что я делаю со своей жизнью, со смены пришли Суетехник и Фарид.

Больно и на них было смотреть - сосуды в глазах рубиново красные, вид понурый, помятый.

Командир их группы (гор - читай группа охраны и разведки) ещё и припечатал и отшлифовал это тем, что поставил бедного Суету заполнять документацию, и я как сейчас это помню - раскалённую печку, пышущую беспощадным жаром, мерное дыхание трёх десятков людей, помню вкус печенья с клубникой, которые мне отдал с барского плеча Муравей, и Суетехника, сидящего в полном облачении, бушлате и бронеке за столом, и пишущего какую-то хрень, покорно и без жалоб. Он вообще не жаловался никогда. Он был слишком хорош для того, чтобы ныть. Слишком ясно мыслил. В отличие от, скажем, меня. Сложно было его не уважать, и его стойкость под ударами судьбы, которые потом вообще не пощадили его...

Мы ели с ним печенье и запивали это ледяной водой из стоящего в палатке наполовину заполненного твна (читай - термос войсковой носимый), и разговаривали за жизнь, изредка отвлекаясь на свои обязанности - я следил за огнём в двух печурках, а он выводил свои буквы в этом дерьме - и чувствовали, что невзирая на печки, настоящее братское тепло оно здесь.

В нас. И в нашей крепкой верной дружбе.

И нам от этого было значительно легче.

Вскоре после этого нашего любимого Суету - а его и правда любили все без исключения, благодаря его рассудительной флегматичности и поразительно располагающей благожелательности - перевели в очко. В Омск.

Мне довелось с ним ещё свидеться там, но прежнего, конечно же, никогда не вернуть.

И, быть может, так и надо.

Сейчас Слютик гнёт спину работая в полиции на дальнем севере. И я не знаю, насколько далеко распространяется рука моей дружбы, моей и - смею сказать за всех - всего нашего дивизиона, но я надеюсь, что мысль об этом всё же согревает его, при воспоминаниях о нашей службе и дружбе.

Что же, Слютик, Andamos!

5.

Забавно то, что я никогда не приезжал в Москву утром или днём, так как она никогда не было моим пунктом назначения. Только, единственно и исключительно ночью.

Глава 2.

Москва, ликёр и путь домой

Молниеносно разобравшись с метро, я нашёл нужный адрес и прошеествовал в офис. Он был многообещающим - красивым, новым и дорогим. Девушка-менеджер космической привлекательности провела со мной деловую беседу и направила в хостел, приехав в который, я, честно говоря, немного разочаровался в реальности. Особенно учитывая то, что я рассчитывал увидеть, по рекламным картинкам.

Отличие этой дыры от армии в первую очередь было в том, что в последней было товарищество. Все были молодые, все друг другу друзья. Все в одной лодке, и у всех общий враг. Это же - свободный мир, где каждый сам за себя. К тому же разных возрастов и национальностей, в общем, зрелище было весьма удручающее.

Единственный человек, говорящий по русски здесь кроме меня, была женщина - администратор отеля.

С остальными было очень сложно. Я общался, естественно, с тувинцами в армии, но те хоть матов нахватались, а с этими уловить нить разговора было фонетически невозможно.

После некоторых проволочек, которые остудили последние мои намёки на энтузиазм, меня заселили в комнату с казаками. Напутствовала женщина меня следующим: ты только это, думай своей головой, я хочу сказать. Не верь всему, что говорят, просто последний парнишка, которого я к ним заселила, он съехал, они ему что-то ночью наговорили, запугали.. В общем, ничему не верь и ничего не бойся. Ладно?

И сделала глазки.

Ладно, как скажете...

Комнаты представляли собой порядка пяти двухъярусных кроватей армейской старости и с такими же тухлявыми матрасами и бельем.

Потолки были импровизированными, и потому отличались друг от друга в каждом помещении.

Маленькая кухня выглядела погоревшей и довольно засаленной.

Тумбочки или уж тем более шкафа для личных вещей я не приметил, вешалки тоже. Поэтому куртку и худи повесил сбоку на кровать, а сам запрыгнул на второй ярус с рюкзаком, с которым взял себе за правило не расставаться.

Хоть розетка была в метровой доступности, и это значило что я вполне могу прятаться от всего этого дерьма в своем телефоне и музыке, хотя и без того я прекрасно, быстро осознал, что провести здесь следующий месяц мне будет непросто. Не одиночество, и не компания. Худшее из всех возможных.

Помещение душное, туалеты и душ я ещё не оглядел, но и их время придёт.

Самое плохое в этом всём то, что сейчас я не делаю ничего и ещё не знаю, сколько надо будет ждать медкнижку, и сколько в сумме времени я потеряю в бездельи, а оно в этих локациях просто ужасает.

Хочется как можно больше времени провести на работе - и смотаться отсюда.

Друг мой Чайка порешил со мной встретиться, и мы договорились, как покончим с делами, куда-то пойти.

Пока я лежу на этой скрипучей кровати, вспоминается девушка менеджер, такая лучезарная и восприимчивая.

Из её то гнезда картина иная...

Скорей бы время пролетело.

Надо разобраться с этим и свалить. К чёрту это всё!

2.

Говорят, игры оказывают разлагающее, деструктивное и тлетворное влияние на подрастающее поколение. Можно так сказать и про Буковски.

Чайка мне написал, что он свободен.

Казахи мне поведали всю правду про работу, хостел был более чем убедительным доказательством их правоты, и взвесив на одной стороне моего старого друга и на другой галерный труд достаточно сомнительной репутации, я плюнул на эту вероятную каторгу, накинул куртку, взял рюкзак и вышел на улицу, сообщив Чайке, что выдвигаюсь.

Мы встретились с ним меньше чем через час на Октябрьской.

Чайка раздобыл и вообще выглядел счастливым и довольным жизнью - полгода отдыхая со своей возлюбленной и ничего не делая.

И кто его за это упрекнёт?

Мы прогулялись по парку горького, закрытому по стечению обстоятельств на какую-то реставрацию, и словами не передать, как я рад был встретить Чайку, встретить человека, который говорит со мной на одном языке, с которым не нужно подбирать слова, или бояться, что он не поймет или осудит - как-то иначе, кроме как и поддержав, ибо я уже забыл за время своего пребывания вдали от друзей, насколько же с ними легко. Это бесценно.

Это было мне нужно - а то я уже начинал сомневаться и в себе, и в реальности того, что мы пережили, тогда как встреча с Чайкой показала мне, что все мои страхи беспочвенны, а

тревоги излишни - и я действительно ничего не придумал, и у меня есть друзья, которые рады всегда со мной пообщаться.

Через пять часов петляний по Москве и ещё одних грустных объятий мы с ним расстались, и я стал ждать своей поезд домой.

Но эта встреча, для нас своего рода знаковая - она была первой, первой встречей на гражданке парней нашего дивизиона.

И причем, не соседей даже близко.

Мы обсудили всё на свете, но главным образом армию - наше прошлое, будущее дивизиона без нас, наших друзей, рассказали о том, что происходило без нас - он о том, что творилось в диве, пока я был в командировке, а я ему сообщил последние новости с места событий и о том, что происходило после его увольнения, в следующие две недели - до моего.

Мы выпили за здоровье какую-то апельсиновую водку или ликёр, и счастливо разошлись. Хотя вообще-то было это очень грустно. Терять то, что только снова приобрел. Живого друга рядом. Интернет ведь - это эрзац, паллиатив, суррогат, это не то, полумеры...

Но вера во мне укрепилась. Всё хорошо. Это было ни сном, ни наваждением. И в мире реально есть люди, которые меня ценят и которых в свою очередь, очень люблю я. И ничто не препятствует нашему общению кроме тех преград, что возводит между нами общество, и в которые мы верим, несмотря на их в целом довольно прозрачную иллюзорность.

Чайка, чайка... Я ещё приеду, брат.

На этом всё не может закончиться, равно как и на дембеле.

Надо радоваться тому, что заимели.

Огромные положительные эмоции.

Очень важные, особенно когда речь идёт о неуверенном в себе человеке, вроде меня.

Эх.

Чайка...

Ты знаешь, я люблю вас всех. Но каждого - по особому.

Ты, я знаю, тоже.

Но мы были первыми. Может, будем и последними. Кто знает...

Но начало положено.

Луи, мне кажется, это может быть началом прекрасной дружбы...

(См. Касабланка)

3.

В наушниках играет "Крылья" Наутилуса.

Скоро я отправлюсь домой, несолоно хлебавши, (читай - неудачник).

Я в очередной раз попробовал, и проиграл. Но только в профессиональном плане. Эта поездка была точно не зря.

Сколько раз я уже прокручивал высказанные в разговоре мысли, воплотившиеся в слова только сейчас. Одиночество - опасная, тоскливая и разъедающая вещь.

Поражение. За поражением.

Сразу с поезда я поеду на собеседование, видимо, вполне отвечающее моим способностям - на оператора аттракциона. Ну, хоть не в цирк, хотя там бы выступать и мог.

Но какое ж наслаждение - жить...

Говорить и смеяться.

Это правда бесценно.

4.

Лучше б всего было попасть под поезд.
Да, это точно было бы самое лучшее.

5.

Я снова в Белгороде. Шагаю по любимой, знакомой до теплоты родной плитке.
Погода сырая, поэтому тротуар влажный и город хоть и пасмурный, но насыщенный проявившимися из под пыли красками.

Вот и площадь. Не знаю, как описать те мысли и эмоции, которые испытывает человек в незнакомом городе, и те, которые ощущает он по прибытию в своё родное гнездо, где прожил всю жизнь, и где знает каждый камень.

Здесь работает в общем та же схема, что с дорогими нашему сердцу людьми - так как в них, по одному мнению, мы любим свое отражение, любим в них самих себя, так и здесь то же самое.

Лишний повод гордиться собой - знать, что тебе знакома каждая тропинка, и ты чувствуешь себя здесь в безопасности. Покое.

Да...

Я купил себе жвачку по вкусу скиттлс и пошел на собеседование. Я не мылся и не брился два дня, нога слегка хромала, бог уж знает, почему, но возвращаться домой без очередной бесплодной и неудачной попытки занять работу мне не хотелось. Так что я ехал в местный торговый центр соблазнять женщин своим голосом.

На оператора колл центра.

6.

В наушниках играет саундтрек к небезызвестному Лосту. Я вообще падок на саундтреки, если они проникновенные и меланхоличные, а это как раз такой.

Помню, как я сидел на террасе и почитывал книги - Маркеса, Алена-Фурнье, Фолкнера, прошлым летом... В июле меня должны были забрать в армию и я, как это свойственно, предавался мировой скорби. Летом меня никуда не забрали.

А спустя полтора года я слушаю музыку и читаю Анну Каренину. А до этого читал Ремарка... Набокова...

Как-то мои мысли перескакивают от Волшебной горы Томаса Манна до Достоевского, Кириллова, Ипполита и Мартина Идена, и я думаю, что сейчас мне бы далеко не так сильно понравились Записки из подполья или Степной волк...

Что я изменился сильнее, чем думаю, и с каждым днём моя личность от чего-то как будто отказывается... От амбиций, заблуждений и иллюзий на свой счёт...

С каждым днём ты требуешь от себя всё меньше, достигаешь смирения.

Избавляешься от нарциссизма. Топишь свою самовлюблённость в грусти, и не жалеешь о ней. Жалеешь об ошибках, которые успел совершить и совершаешь без конца сейчас...

Самое главное это не поддаваться колоссально заманчивой слабости каждое предложение заканчивать многоточием...

Ибо Смерть в кредит с такой же особенностью было читать, честно признаюсь, несколько сложно.

7.

Я помню конец этих апрельских полей.

Многострадальных, но, разумеется, не таких уж тяжёлых.

Помню, как гомд (читай - группа обеспечения маневренных действий) в компании с Муравьем и Фаридом упаковала всю позицию, как мы забрались в камаз, и накрылись, чем могли, чтобы нас не было видно, так как отдельного транспорта для нас подвезти не могли, а провозить так солдат в качестве контрабанды было нельзя, так что мы спрятались.

Помню, как мы разгрузили всё перед казармой, без меры грязные и пыльные, как над нами кружил гигантский сокол, снег вокруг плаца медленно таял, а затем меня отправили на полевую позицию, для соблюдения проформы, ибо я был нужен там в составе нейтралки...

Построение откладывалось, поэтому я бродил рядом с Сёмой, который сматывал локалку восьмой гпп, и мы перекидывались, как всегда, замечаниями о настоящем и мечтами о будущем, такими же тоскливыми, как и полгода назад, когда мы с ним вдвоём стояли на КПП все новогодние праздники.

Мела пурга, впереди было ещё десять месяцев службы, все в полку отдыхали днём и спали ночью, а наша с Сёмой единственная радость заключалась в конфетках, которые выдавали в столовой в честь праздника. Мы, естественно, ловко их тырили, но заменить нам полноценный сон и зарядить позитивной энергией они не могли.

Кроме того, мы и ни кофе, ни чаем не успели обзавестись к январю. Это к дембелю мы уже были мастерами по добыче добра и его сохранению, и наше материальное солдатское благополучие было потрясающим воображение, тогда же у нас была только лопата и снег, уныние и радио, вот и всё из развлечений...

А в апреле мы стояли с ним рядом с кучей вереска и сваленных веток, и смотрели на ящеров, что грелись на солнце...

Тогда впервые в жизни (да, наверное, и в последний раз) я видел дикого бурундука.

Он шуршал и что-то жевал буквально в паре метров от нас, и мы боялись пошевелиться, чтобы не спугнуть это маленькое красивое чудо.

Но он, разумеется, всё равно убежал.

Командир дивизиона сидел на камне, недалеко от нас. Он, по его словам, которыми мы перекинулись несколько раньше, все эти две ночи вообще нисколько не спал.

В его присутствии мы чувствовали себя немного неловко, и я, в конце концов, удалился.

Мы прибыли в часть ближе к пяти часам вечера, и приведя себя в порядок, я узнал, что после ужина заступаю в наряд.

На следующий день был ещё один - по роте - и когда я благополучно заснул на столе у входа, через полчаса после пробуждения я понял, что вообще не могу оторвать от земли ногу, потому что любое движение причиняет невыносимую боль.

Я кое-как дотерпел до прихода напарника и доковылял до кровати. Стягивать берцы, а потом и носки было очень больно, а затем, когда я захотел выйти из кубрика чтобы сообщить через весь коридор другу полезную информацию, что я сделать забыл, то обнаружил, что вообще не могу ходить без опоры на кровати соседей.

Наутро мне было чуть легче, но хромал я изрядно, и посоветовавшись с сержантом, я остался терпеть до смены наряда, и только тогда уже почапал в санчасть.

В следующие две недели я поправился (эвфемизм для идиотов, простите, так что заплыл жиром, пускай) на 7-8 кг, благополучно пролежав в сч вплоть до мая и кушая круассаны, почитывая Харпер Ли, Грэма Грина и Патрика Зюскинда.

Там же мы впервые перекинулись больше, чем парой слов с Хрипуновым, и оба выяснили, что, оказывается, мы отличные парни.

Сдружились мы быстро и накрепко, так что и когда нас выписали одного за другим (он лишился своего вросшего ногтя, и это было очень смешно), я часто искал его компании, и всегда очень ценил - за его неиссякаемый позитивный настрой, прямолинейную открытую искренность и какую-то врождённую - из тех, что не приобретаются - житейскую мудрость. И чувство юмора, конечно же. Так вышло, что потом мы и в командировке вместе были, одни из нашего дивизиона, что, разумеется, сблизило ещё сильнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.